

Горящий город.

Тяжело вспоминать события тех дней и лет, когда армии, корпуса, дивизии, полки разных родов войск с сотнями тысяч солдат, офицеров, генералов стягивались к этому городу-крепости, оплоту фашисткой военщины.

Весна. Цвели фруктовые деревья в садах и фольварках, видна была окраина горящего города – тысячи самолетов бомбили его, но город огрызался. Тысячи наступавших пехотинцев, танкистов, артиллеристов, связистов погибали, штурмуя форты и укрепления горящего, всего в дыму города.

В узких улицах этой части старинного города валялись перевернутые фуры, трупы коней, разбитая вражеская техника, разлагающиеся трупы фашистов. Из окон горящих зданий на палках болталось разное белое белье: обрывки простыней, рубашки, наволочки, полотенца, какое-то белое тряпье – признание того, что жителям уже надоело сопротивление, и они хотели хоть как-то зацепиться за жизнь.

Однако наземным частям не давал продвигаться вперед кинжальный огонь из оконных амбразур цоколей горящих зданий. Там, в подвалах зданий оборонявшиеся эсэсовские части вместе с фольксштурмом организовали казармы, госпитали, столовые, боевые посты, которые не давали нашим частям продвигаться вперед. Сотнями погибали бойцы, пытаясь пройти к заданному объекту.

Надо было что-то делать, надо было выкуривать фашистов из подвалов. Командование поручило эту задачу пограничным полкам войск НКВД, прошедшим суровую военную школу в Подмосковье и на Курской дуге, в Прибалтике и горах Кавказа. Город был разделен на квадраты, которые надо было очищать от засевших там фрицев. Такую задачу получил и наш 3-й батальон 31-го погранполка, в котором я был комсоргом.

А подвалы Кенигсберга, надо отметить отличались тогда тем, что, зайдя в подвал дома на одном конце города, петляя, можно выйти из подвала на другом конце города.

- Ну, комсомол, - сказал комбат (так меня в батальоне звали все, в том числе и комбат), - пойдешь с ротой старшего лейтенанта Бродецкого, задачу он уже получил.

Лешка.

Быстрое построение, и замкомроты старший сержант Дашевский повел роту вперед по заданному маршруту к указанному квартальному квадрату, обходя горящие здания, из

окон которых вылетали головешки – останки сгоревшей мебели. Рота ушла к входам в подвалы намеченных горящих зданий - все они смыкались в одно целое, только стенами отличались (одно выше, другое – чуть пониже) – и задержались, ожидая нас. Лешка – командир роты, крикнул им вдогонку:

- Вы там поосторожней у цокольных амбразур, сначала гранатами забросайте оконные проемы, а то они, звери, убьют. Зинку берегите! Она в роте у нас одна.

Эта Зинка в нашей роте была и фельдшером, и медсестрой, влюбленная в Лешку уже целый год, мы это знали. И он отвечал ей взаимностью. Мы с Лешкой шли следом за ротой. Вот и красное, почти не разрушенное кирпичное здание, где захоронен немецкий философ Кант, а поодаль, на взгорке, в центре небольшой площади памятник кайзеру, прусскому Вильгельму. Лешка задержался:

- Давай, Витька, постреляем по его гнусной чугунной башке.

Мы вынули пистолеты и начали стрелять по голове кайзера. Не знаю, куда я попал, но Лешка угодил в правую часть левого глаза Вильгельма, где появилось белое пятнышко (наверное, шпаклевка отлетела). Пряча пистолет в кобуру, Лешка воскликнул:

- На всю жизнь это место запомню!

Взмахнул резко рукой и побежал к ожидавшей нас роте, которую Дашевский уже разделил повзводно: первый взвод вместе с ним отправились к дальнему входу в подвал, а второму взводу с командиром-сержантом Ямалеевым приказали разоружать выползавших из подвала раненых фрицев. Наша Зинка их перевязывала.

Я подбежал к третьему взводу, когда тот уже во главе с Лешкой спускался в подвал по винтовой лестнице. Навстречу неслись бесцельные автоматные очереди, слышался топот кованых сапог убегающих фрицев. Кинув связку гранат вглубь, я закричал по-немецки (с немецким я был на «ты»):

- Не стрелять! Вы окружены, сопротивление бесполезно! Сдавайтесь!

Но снизу продолжали раздаваться бессвязные автоматные очереди, крики стонущих от разрыва гранат немцев. В подвале было темно, и я споткнулся о лежащее на ступенях лестницы под ногами тело.

- Ну, сволочь, не хотел сдаваться и получил свое! – рывкнул я и стал ощупывать гимнастерку. И вдруг... Комок к горлу подкатил, когда по орденам на груди я узнал

Лешку. Приподнял его, сунул ладонь под спину и почувствовал липкую кровь: пуля прошла насквозь.

- Лешка, друг мой сердечный, как же так? – зарыдал я, припав к его kloкочущей груди.

- Все, Витька, финита ля комедия. Я на всю жизнь запомнил это место, - прохрипели его мертвеющие губы. И он затих.

Сердце мое бешено стучало. Не могу же я оставить своего друга, с которым, как с родным братом, прошел всю Восточную Пруссию, форсировал Неман на подручных плавсредствах, по которому шла шуга, а вокруг рвались мины, цокали и свистели пули, погибали наши товарищи, а мы с Лешкой выплыли живыми.

- Эй, крикнул я по-немецки, - есть тут кто живой?

- Я-я, - откликнулась пара голосов.

- Комен зи хер! – потребовал я. Подошли два легкораненых фрица. – Тащите нашего советского обер-лейтенанта наверх!

Немцы тупо смотрели. Я взорвался: - Ну! Вас ист лес? Неймен зи ин шнеллер!

Когда вытащили из подвала Лешку Бродецкого, к нему бросилась Зинка, прервав перевязку раненого немца.

- Милый, что с тобой? – но, заметив мою снятую пилотку и уже бледнеющее лицо друга, по-бабьи завывла, припав к его груди.

- Как же так? Ведь мы с тобой после взятия Кенигсберга решили пожениться!

Оставшихся в живых, хотя и раненых, немцев выводили из обоих подвалов, их уже стало 12.

Всех выстроили в шеренгу возле лежащих поодаль мертвых тел Бродецкого и Дашевского (его грудь также прошила автоматная очередь). Немцы, понутив головы, молчали. Я подходил к каждому, тыкал пистолетом и спрашивал:

- Кто, кто убил моего Лешку? Ты? Ты? Ты? – зловеще орал я на каждого. Все они мотали головой: нет. Всех обошел. Бил пистолетом по их лицам, кровь текла, и они судорожно ее сглатывали. Я зверел:

- Я же кричал вам по-немецки, сволочи, чтобы вы сдавались. Кенигсберг уже капитулировал. Вы слышали это?

- Слышали, - угрюмо отвечали фрицы.

- Всех вас сейчас перестреляю, - крикнул я, - чтобы знали ваши гретхен, какие нелюди вы были. Кто убил моего Лешку и Дашевского? Кто? Варум швайген зи? Вэр?

- Хауптман эс-эс, - промолвил один, подняв голову (капитан эс-эс).

- Э-эх, фиг дайн мутер! – по-немецки сматерился я и крикнул: - Ямалиев! Выпотрошить карманы у пленных, связать руки, поотрезать пуговицы у брюк, и в разведотдел батальона. Будут пытаться бежать, стрелять на месте. Последнее повторил еще и по-немецки.

- Все ясно, комсомол! Будет выполнено, - ответил Ямалиев.

Зинка не отходила от мертвого Лешки, все еще всхлипывала и глотала слезы. Я попросил ее:

- Вынь у убитых простреленные комсомольские билеты, сними ордена и медали, отдашь замполиту.

- Ямалиев! Дай четырех фрицев, пусть несут Лешку и Дашевского в штаб батальона, да осторожнее! – скомандовал я.

Комсомол, не волнуйся...

Вдоль загромождений разбитой техникой улицы неожиданно начался минометный обстрел.

«Зараза! – подумал я, - чья там рота работает? Лейтенанта Сербина? Что он, скотина, забыл, что это зона квадрата роты Бродецкого?» Вдруг я почувствовал болезненный шлепок слева в верхней части груди. Стало не уютно...

- Комсомол! – крикнул мне сержант, комсорг роты, - у тебя по гимнастерке кровь бежит. Иди-ка к майору, его санбат тут недалеко, за горящими зданиями.

- Ладно, Василий, пожалуй, схожу. Останешься за меня, смотри в оба. Каждая цокольная амбразура может сюрприз подарить.

- Комсомол, не волнуйся, больше никого не потеряем, хватит нам и десятка, что погибли уже тут. Надо еще документы собрать. Как хоронить-то будем. Господи, - заволновался он, - еще ведь час назад все живы были...

Я пробирался через завалы узкой улицы. Сверху с пылающих домов падали какие-то горящие деревяшки. Город был в дыму. Хорошо, что в бомбежке была передышка.

Вот и санбат, слышны стоны раненых. Мечутся сестры, помогая майору оперировать, два фельдшера ему ассистируют. Я заглянул в операционную палатку. Видимо, дунул ветерок, неся гарь и трупный запах.

- Закройте шторы! – крикнул майор. – Кого еще там несет? – он обернулся и увидел меня. – А, это ты, комсомол? Привет! Что тебя привело в нашу божью обитель? Или помочь хочешь? – буркнул он.

Да вот, задело меня чем-то, - ответил я.

- Подождать можешь или не втерпежь?

- Как же, товарищ майор, конечно, могу!

- Ну, тогда подожди. Закончу ампутацию молодому бойцу, всю ногу раздробило, и посмотрим, чем тебя задело.

Я осмотрелся. В операционной палатке было светло и тепло, даже жарко, хотя и работали вентиляторы. По лицу майора сбегал бисером пот, медсестра только и успевала марлей осушивать ему лоб и щеки. Он повернулся к ней и чмокнул в щеку:

- Спасибо, сестренка, а то глаза застилает... Нитки, нитки быстрее, а то скоро проснется...

- Ну, что тут, комсомол, у тебя? – спросил майор, расстегивая ворот гимнастерке, по которой все еще бежала кровь.

- Н-да!... – удивился он, взял пинцет и снял осколок величиной с желудь, который пробил гимнастерку, кожу около сердца, но через ребра не прошел (видимо на излете был). – Ну, комсомол, ты должен был умереть. Твой вариант один из сотни, что я встречал. Ты, наверное, в рубашке родился?

- Мама говорила, что в каком-то пузыре.

- Вот-вот, - засмеялся майор. Поставил мне противостолбнячный укол в руку, обезболивающий – у раны, наложил два шва, помазал зеленкой, заклеил пластырем...

- Давай, комсомол, беги к своим, а то как бы они там дров не нарубали.

Жаль, очень жаль Лешку Бродецкого, - сказал он, узнав о его смерти, - какой парень был отчаянный. Да и Зинку жаль. Она ведь в положении, ребенка ждет... А ты долго жить будешь, дружище, ты какой-то заговоренный. Неман переплыл, пули тебя не берут.

- Не шутите, товарищ майор!

- Нет-нет, я знаю, я много прожил. Тебе 23, а мне 50.

Мы крепко обнялись, расцеловались, и я побежал за горящие здания, где за себя оставил комсорга роты Василия (фамилию забыл). Так и остался у меня у сердца шрам на всю жизнь, как свидетель тех памятных дней.

Шмигель В.Н.